
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Владимир Червинский. Жаркое лето 53-го. СПб.: Петрополис, 2023. — 158 с.

Спустя много лет Владимир Червинский воскрешает свои бесхитростные впечатления, впечатления десятилетнего мальчика, и с высоты пережитого размышляет о том, что этому мальчику тогда было непонятно. Именно 1953 год стал для него значащей вехой: «...он как бы подвел черту под моим беззаботным и бестолковым детством и приоткрыл мне глаза на события и окружающую действительность, которые начали захлестывать мое сознание и ставить вопросы, на которые я потом отвечал всю жизнь. <...> По-настоящему 53-й год начался для меня со стука в дверь нашей комнаты в коммунальной квартире в доме № 19 по Баскову переулку. Было раннее утро 6-го марта». Это гораздо позже он понял, почему, услышав по радио известие о смерти Сталина, не плакали и не рыдали жители пятикомнатной коммунальной квартиры, в которой он жил с родителями. И даст «портрет» ленинградской коммуналки, населенной представителями и интеллигенции, и рабочего класса, и на примере соседей покажет, как люди того времени воспринимали Сталина — от иррациональной веры

в него до полного неприятия. А в марте 1953 года его больше всего интересовало — как и следовало ожидать, — надо ли ему идти в школу. Оказалось, надо. И он удостоился чести ровно пять минут простоять на лестничной площадке у огромного портрета Сталина, изображенного в полный рост. А еще ум мальчика занимала предстоящая поездка на Дальний Восток, куда направляли на новое место службы его отца, военного инженера. Это потом В. Червинский поймет, что перевод был связан с развернутой в стране в конце 1952 года антисемитской кампанией (еще один предмет размышлений автора в зрелые годы). И командование части приняло решение перевести своего подчиненного, еврея по национальности, на Дальний Восток, «подалее от этого „гадюшника“, как выразился командир части, с которым папа служил еще во время войны». И если отъезд на край земли в военный поселок посреди уссурийской тайги, куда-то под Владивосток, воспринимался родителями как крушение всех их жизненных планов, ломал только-только налаженный после войны быт и, главное, лишал ленинградской прописки, то для десятилетнего мальчика поездка сулила интереснейшее приключение. Из Ленинграда во Владивосток поезд не ходил, ехали через Москву, где остановились у брата отца. Уже там ждали первые яркие впечатления: Мавзолей с телами Ленина и Сталина, музей подарков Сталину, где поразил макет Кремля из шоколада размером с большой шкаф. А потом — путешествие через всю страну, во время которого мальчик все девять дней простоял у окна с перерывами на еду и сон. И каждый день открывал для себя бескрайнюю страну, в которой, сменяясь, не кончались леса и поля, рассекаемые множеством рек, а Обь и Енисей шириной превосходили «даже» Неву. Из окна он видел чудеса: озеро Байкал, высеченный в скале трехметровый бюст Сталина (в 1956 году из-за угрозы обрушения скала вместе с бюстом вождя была взорвана, стерта из памяти потомков). Он наблюдал за мерами защиты от грабителей, проникающих в вагоны с крыши поезда через окна и двери; за сбором продуктов для женщин с детьми, бегущих по насыпи за медленно ползущим поездом и просивших хлеба. Проводники собирали в мешки продукты, что давали пассажиры, и передавали еду через дверь. И это малоизвестные страницы нашей истории, каких в книге немало. Свои собственные впечатления от поездки автор свертывает с лирической комедией Ю. Райзмана «Поезд идет на Восток» (1947). Проезжая станцию Биробиджан, мальчик впервые увидел начертанное на здании вокзала слово «еврейская», поразившее его: это слово он не встречал ранее ни в книжках, ни в газетах. «Слово „еврей“ было, а евреев как бы и не было: о них не писали, не снимали кино и не говорили по радио». В. Червинский знакомит с историей необычного административного «образования» — Еврейской автономной области, иллюстрируя свой мини-очерк пересказом содержания фильма В. Корша-Саблина «Искатели счастья», посвященного евреям-переселенцам (1936). Новый этап в жизни ребенка начался в поселке Кневичи. Ярko, красочно, зримо воссоздает автор давно ушедшие подробности быта в затерянном в тайге поселке, где взрослые решали проблемы с едой (ибо в поселковом магазине всегда была водка, хлеб почти всегда, макароны редко, а остальное — никогда) и с дефицитом питьевой воды. А дети всюю пользовались вольницей: ходили в тайгу, купались, рыбачили, играли в собственноручно сооруженной хижине, посещали «кладбище самолетов» на территории завода, где покоились побывавшие в боях самолеты. Непосредственные впечатления, воспоминания органично перетекают в исторические очерки. Это и история освоения Россией Амурской и Приморской областей, объявленных в 1861 году правительством свободными для заселения. До 77 % переселенцев были выходцами из Черниговской, Полтавской, Киевской и других юго-западных районов России. Насельниками вновь образованной деревни Кне-

вичи стали семьи из Черниговской губернии. Это и история того, когда, как и зачем в этой глухомани построили военный авиаремонтный завод и почему на кладбище самолетов, помимо выпотрошенных советских, находились английские и американские. Это и размышления уже взрослого, много передумавшего человека по поводу услышанной в детстве песенки «Лаврентий Палыч Берия вышел из доверия...» о личности неоднозначной, сложной. Предположение, что «удержись Берия у власти, то с докладом о культе Сталина выступал бы он, а не Хрущев, и скорее всего, он бы не ограничился докладом, а провел бы настоящее судебное расследование преступлений, совершенных Сталиным и его окружением. Вероятно, мы бы продолжили строить социализм, но социализм с „человеческим лицом“ по типу скандинавских стран, и не понадобилось бы проводить перестройку, рушить экономику, проливать кровь в Афганистане и Чечне». В Уссурийском крае В. Червинский пробыл пять месяцев, а потом родители приняли решение, что мать и сын вернутся в Ленинград, где больше шансов получить хорошее образование, и только так можно сохранить ленинградскую прописку. Но побывав однажды на восточных просторах страны, В. Червинский стремился туда снова и снова. Впечатления о юношеских походах дополняют эту книгу.

Сергей Горюнков. Тайна русской неприкаянности. О стратегических задачах культурной политики России. СПб.: Политех-Пресс, 2023. — 248 с.

Выражение «тайна русской неприкаянности» принадлежит философу А. Панаринову. Русскую неприкаянность он усматривал в том, что какие бы идущие к нам с Запада «великие учения», коммунистические или либерально-демократические, Россия ни принимала как свои, сама она тем не менее всегда остается Западу чужой. Разгадку тайны он связывал с малоизученной метаисторической культурой и пересмотром научного взгляда на смысл истории. Вот два таких взаимодополняющих вопроса — специфика метаистории и новый взгляд на смысл истории — и поднимает Сергей Горюнков в своей книге. Он покушается на святое — на научно-материалистическое учение. Отрицает его важнейший постулат: «Материя первична, сознание вторично». Считает, что сама идея о том, что главнейшие вопросы человеческого бытия решаются исключительно экономическими средствами, привела к тому, что человеку стало безразлично все, что не имеет товарного статуса и меновой стоимости, идет ли речь о Боге, о совести, о национальном интересе или о государственном суверенитете. Человек и общество «получили право» на бессовестность и безнравственность. Однако наряду с почитанием свободы как вседозволенности и с культом потребительских интересов, веками существовала и другая мировоззренческая позиция, согласно которой свободу необходимо дополнять обязанностями и ответственностью, практические интересы — идеалом совести, а чисто формальное право — справедливостью. Эти две противоположные мировоззренческие позиции и определяют глобальный межкультурный диалог о мироустройстве. Чтобы понять, почему для одних этические требования, налагающие ограничения на права и свободы личности, воспринимаются как само собой разумеющееся, а для других — это досадные иллюзии, мешающие быть «свободными», С. Горюнков обращается к началу начал. Он погружается в глубокую древность, в доисторические времена, в метаисторию. Источником знаний об этом периоде жизни человечества являются мифы, народный эпос, фольклор, которые материалистическое учение толкует предельно упрощенно: фантазии первобытных людей, преклоняющихся перед силами природы. Автор выходит далеко

за пределы историко-материалистической картины мира. Он исследует разные мифологические модели мира, обнаруживая в них общие абсолютно для всех народов Земли концепции. Проследивает, как зачиналась и шла духовная часть исторического процесса. Показывает, как рождались племена и народы, у которых понятия «добра» и «зла» были различны, но они включались в борьбу за право соотносить себя с положительным началом (борьбу, продолжающуюся и сегодня). В конечном итоге образ мышления людей, характер их поведения, направленность интересов и выбор целей, полагает автор, целиком зависят от понимания мироустройства и своего места в нем. Именно там, в глубокой древности спрятан ответ на вопрос, почему нет взаимопонимания между людьми с совестью и людьми без нее. Размышляя о фундаментальных принципах смысловой организации культуры, о мифах как древнейшей форме этой организации («именно мифы и есть то самое „наше все“, та самая „сокровищница смыслов“, игнорирование которой равнозначно игнорированию самой человеческой культуры»), о метаязыковом содержании культуры и ее этическом аспекте, Горюнков постоянно возвращается к «тайне русской неприкаянности». Временной размах постижения этой тайны — от древнейших времен до дня сегодняшнего. Автор проводит параллели между 996 годом и 1990-ми годами: в обоих случаях «смене веры» сопутствовала компрометация недавних верований. Первый в нашей истории «урок ненависти» к своему прошлому был зафиксирован в «Слове о законе и благодати» (киевский митрополит Илларион, XI век): «Прежде мы были как звери и скоты...» Под корень рубилась вся предшествовавшая, давшая нам лицо и язык культурно-историческая традиция, а вместе с ней мифология и языческая эзотерика, памятники светской письменности и литературы (осталось лишь «Слово о полку Игореве»). Вся «низовая» народная культура — вплоть до регулярных массовых сожжений народных инструментов и физических расправ со скomoroxами. Потом последовали другие подобные уроки: никоновские и петровские реформы, восстание декабристов, революции и Гражданская война, хрущевские разоблачения, отказ от советской истории. Быть может, «русская неприкаянность» — это реакция слишком «впечатлительной нации» на попытки «реформаторов» заставить ее жить по чужим ей правилам? С. Горюнков считает, что сегодня Россия безоружна, ибо разобщена. Мировоззренческая ситуация в ней выстраивается по басне Крылова «Лебедь, Рак и Щука»: научно-материалистический лебедь продолжает рваться в «научное» небо, православно-церковный рак — хранить «букву» священных текстов, а «либеральная щука» охотиться в мутной воде. Автор очень современен, когда пишет о нынешних ликах фашизма, о текущем противостоянии на Украине и роли в нем «фининтерновской крыши», о дебилизаторской роли СМИ и об играх с сознанием людей. Он дает свою интерпретацию того, что есть Россия в современном глобальном мире и почему столь непримиримы позиции России и Запада. «На самом деле в основе наряженной ситуации лежит намного более фундаментальный кризис целей и смыслов человеческого существования. И кризис этот лежит в понимании предпосылочных основ культуры». Он считает, что в историко-материалистической парадигме главная, духовная составляющая исторического процесса оказалась второстепенной («надстроечной»). В XXI веке духовная проблематика станет главной. «Настоящую надежду на сколько-нибудь сносное будущее способно сегодня внушить не некое „идеальное социально-общественное устройство“, <...> не соблюдение гражданских прав и свобод и не повышение материального благосостояния, а лишь такое качество духовного повзреления, при котором станет окончательно ясно: *абсолютно за все помысленное, сказанное и содеянное неизбежно последует расплата*. Причем в ее самых неожиданных и даже крайне неприятных

для современного образа мышления формах, включая форму *посмертного воздаяния за деяния*. Ведь именно страха перед неизбежностью расплаты за все совершаемое как раз катастрофически и не хватает сегодня». Возможно, Россия в такой новой исторической парадигме обретет свое подлинное место и перестанет чувствовать себя неприкаянной.

Александр Исаев. Императорский поезд. Хроника трех дней. 28 февраля — 2 марта 1917 года. СПб.: Алетейя, 2023. — 248 с.: ил.

Александр Исаев расследует обстоятельства движения императорского поезда в критически важные для существования Российской империи дни — с 28 февраля по 2 марта 1917 года. Удивительно, на эту тему написано значительное количество исследований, но многое из того, что происходило в период, до сих пор достоверно не установлено. Почему для императорского поезда, следующего в Петроград, был выбран маршрут Могилев—Бологое—Малая Вишера—Тосно—Гатчина—Александровская—Царский Павильон? Почему императорский поезд — «литер „А“» — и сопровождавший его и свитский состав «литер „Б“» встали на станции Малая Вишера, а затем проследовали по измененному маршруту: вернулись в Бологое, а оттуда направились на станцию Дно и далее во Псков? Ведь именно в Тосно государя ждало спасение! Ибо туда прибыл с верными царю подразделениями командир отдельного жандармского корпуса граф Н. Татищев, и императорский поезд по прибытии в Тосно немедленно должен был получить готовый к отъезду паровоз и тотчас с охраной проследовать в Гатчину и Царское Село. А что в течение столь значимых в истории России дней происходило с так называемым «эшелоном генерала Иванова»? Как сложилась судьба генерала и возглавляемого им Георгиевского батальона, отправленных в Царское Село для обеспечения безопасности императорской фамилии? А. Исаев, выстраивая почасово события тех дней, документально фиксируя, кто и какие указания отдавал, стремится понять, кто и в какой мере был непосредственно причастен к изменению маршрутов поездов «А» и «Б» и «эшелона генерала Иванова». Традиционно считается, что остановку царского поезда на станции Дно, повлекшую отречение императора Николая II, обеспечил Юрий Владимирович Ломоносов (1876—1952) — русский инженер-железнодорожник, изобретатель одних из первых в мире тепловозов. Во время Февральской революции короткий период он занимал важную должность в захваченном представителями Государственной думы управленческом аппарате железными российскими дорогами. Считается, что это Ломоносов помешал и переброске царских войск к Петрограду. Основным источником информации, подтверждающим эту версию, до сих пор являлись мемуары самого Ломоносова. Чтобы разобраться в событиях далеких лет, А. Исаев провел огромную работу. Свое расследование он предварил обширными очерками о том, как функционировали железные дороги России в начале XX века, организация движения по которым мало чем отличалась от современной. Разве что одна особенность того времени: скорость движения поездов ограничивалась тем, что существовал только один тип локомотива — паровоз, которому через 50—70 километров требовалось пополнение водой, через 120—140 километров — углем. То есть любой поезд — даже с «первыми лицами» — обязательно имел остановки через каждые 50—70 километров. А. Исаев рассказывает, какие проблемы на железных дорогах возникали в ходе Первой мировой войны, какая ситуация сложилась в начале 1917 года, когда на первое место вышла борьба с морозами и со снежной стихией — с метелями и заносами, которые затрудняли не только движение поездов, но

и своевременный подвоз угля и заранее заготовленных дров. Усугубляли тяжелое положение дел и бесцельно поступающие железнодорожникам противоречащие друг другу циркуляры, изношенность подвижного состава, сложная система взятничества при заключении контрактов с поставщиками угля. Автор приводит полностью «Положение об императорских поездах», из которого следует, что меры, предусмотренные для безопасности «первых лиц», были вполне достаточны, главное, чтобы ответственные за их выполнение действовали согласно предписаниям. И только дав подробную картину функционирования российских дорог, А. Исаев переходит к скрупулезному анализу событий 28 февраля — 2 марта 1917 года и участию в них как работников железнодорожного транспорта, так и временщиков, назначенных Государственной думой, и прибывших к этим временщикам случайных лиц. Эти калифы на час сыграли важную роль в Февральской революции. Среди них инженер, член Государственной думы А. Бубликов. В качестве комиссара Временного комитета Государственной думы утром 28 февраля 1917 года он был направлен в Министерство путей сообщения с поддержкой в виде отряда солдат. Он отстранил прежнее руководство министерства и вызвал к себе Ломоносова, назначив его помощником. Это он приказал остановить царский поезд, вышедший из Ставки в Царское Село, и использовал железнодорожный телеграф для оповещения начальников всех железнодорожных станций страны о том, что власть перешла к Государственной думе. (2 марта 1917 года Бубликов отказался от должности товарища министра во Временном правительстве, так как хотел сам быть министром путей сообщения.) Комендантом Николаевского вокзала в Петрограде был назначен поручик К. Греков. Это он открыл «охоту» за императорским поездом, в результате которой Николай II и сопровождавшие его лица пришли к заключению, что в Петрограде начался не локальный бунт, а полномасштабная революция. К железным дорогам Греков никакого отношения не имел. Помощником военного коменданта важнейшей российской станции стал курсант военноморского училища Г. Паденский. А. Исаев показывает, какой сумбур сопутствовал движению императорского поезда. Новые назначенцы отдавали приказания, должностные остановить императорский поезд, профессиональные железнодорожники их не выполняли, сознавая, что эти распоряжения могут привести к тяжелым авариям. И в первую очередь заботились о безопасности дорог, чем приводили Бубликова в бешенство. В итоге А. Исаев приходит к выводу, что главный герой его книги Ю. Ломоносов действовал прежде всего как высококвалифицированный инженер-путеец и любителем авантюры не являлся. И вопреки установившемуся мнению к изменению маршрута императорского поезда причастен не был. Изменение маршрута — стечение обстоятельств и в значительной степени не вовремя и неверно переданная информация.

Матье Дюма. Воспоминания. Избранные главы / Пер с франц. И. Шубиной; вступ. ст. и прим. А. Митрофанова. СПб.: Нестор-История, 2023. — 304 с.; ил.

Имя Матье Дюма (1753—1837), участника событий Великой французской революции и наполеоновских войн, высечено на Триумфальной арке в Париже рядом с именами других прославленных генералов и маршалов. Потомственный дворянин, сын казначея из Монпелье, он поступил на военную службу в пятнадцать лет. Не имея ни протекции, ни состояния, делал карьеру благодаря своим деловым качествам и способностям, принимая участие в важнейших событиях своего времени. С 1780-го по

1783 год в составе французского экспедиционного корпуса он участвовал в войне за независимость США, там завязал полезные знакомства, приобрел друзей. Дж. Вашингтон вспоминал о нем как о «весьма ценном офицере французской армии». После окончания войны был направлен в экспедицию на Ямайку, затем — разведывательная миссия на Ближний Восток, конфиденциальные миссии в Германию, в Голландию. В годы Великой французской революции он стал свидетелем и участником того, что потом станет Большой историей. Видел, как толпа захватывает оружие из арсенала Дома инвалидов, чтобы идти на штурм Бастилии. Стал одним из главных организаторов Национальной гвардии и написал первый ее устав, — Дюма состоял при штабе генерала Лафайета, своего друга по американской кампании и одного из лидеров первого этапа революции. Именно Дюма после неудавшегося бегства Людовика XVI в июне 1791 года по поручению Национального собрания охранял королевское семейство во время возвращения в Париж. В бурные годы революции жизнь убежденного монархиста Дюма не раз подвергалась смертельной опасности: трижды ему приходилось эмигрировать, каждый раз с приключениями, достойными шпионского романа. Наполеон, став Первым консулом, позволил вернуться многим бежавшим от революции эмигрантам, среди вернувшихся был Матье Дюма. Со временем Наполеон оценил организационные способности и безукоризненную честность Дюма и постепенно стал поручать ему все более ответственные задачи. На протяжении тринадцати лет Дюма часто работал под непосредственным руководством Бонапарта. Он состоял при нем в сражениях при Ульме, Эльхингене, Аустерлице, при Эсслинге и Ваграме. Готовясь к походу на Россию, в 1812 году Наполеон назначил Дюма генеральным интендантом Великой армии; в обязанности интенданта входило не только снабжение армии, но и организация госпитальной службы. Еще до начала кампании Дюма испытывал обоснованные сомнения в отношении ее перспектив. И оказался прав. Война закончилась для него в 1813 году под Лейпцигом, где, тяжелообольной, он попал в плен. В плену с ним обращались хорошо — австрийцы помнили, как он вел себя после взятия Вены наполеоновскими войсками в 1809 году. Богатый военный и административный опыт Дюма делал его востребованным и в период Ста дней, и во время второй реставрации Бурбонов. Подробно биография Дюма изложена во вступительной статье И. Шубиной. В конце жизни он стал писать мемуары. Трехтомник его воспоминаний был издан его сыном после смерти отца. Избранные главы воспоминаний Матье Дюма на русском языке публикуются впервые. Для этого издания выбрано в первую очередь то, что представляется наиболее интересным и важным для широкого круга читателей: юность и начало военной службы; драматические события начала революции и первых послереволюционных лет; знакомство с Наполеоном; переход через заснеженные Альпы в декабре 1800 года. И конечно, кампания 1812 года, в которой Дюма участвовал в качестве генерального интенданта Великой армии. Квалифицированный и осведомленный наблюдатель, он пишет обо всем этом настолько беспристрастно, насколько это вообще возможно для участника событий. Он следовал за армией и императорской ставкой на расстоянии одного дневного перехода и дает подробное описание маршрута: переправа через Неман, Витебск, Смоленск... «Мы нашли Смоленск почти покинутый жителями и лишенным средств, которые были нам так необходимы, особенно для устройства госпиталей... Чем более армия продвигалась внутрь страны, тем труднее становилась моя задача. Местность была опустошена противником; жилища были покинуты и по большей части сожжены; война не могла кормить сама себя, как это было в плодородных землях Германии». Он пишет о просчетах Наполеона, о действиях русской армии, не позволивших Наполеону решить судьбу кам-

панию одним генеральным сражением; о трудностях, с которыми столкнулись наполеоновские войска в России: об огромных потерях французов. Он рассказал о том, что видел и что его потрясло. Потрясением оказалась и Москва, в которую вошли французы: «...луна освещала эти прекрасные здания, большие особняки, пустынные улицы — это была могильная тишина». Он стал свидетелем разграбления Москвы: «Мы наблюдали за тщетными усилиями рабочих, которые под руководством инженеров пытались снять с верха купола главной церкви огромный крест, называемы Ивановским, — предмет поклонения и восхищения русского народа, который полагал его сделанным из чистого золота (крест был из меди, покрытой множеством листков золота). Поскольку этот крест было невозможно выдернуть, не разрушив замыкание купола, в которое он был глубоко вмурован, его решили спилить; он упал наземь с большим грохотом и был затем распилен на куски и тщательно упакован для перевозки в Париж. Император имел намерение его собрать и установить на купол церкви, которую по его распоряжению строили возле Лувра. Начальник штаба, удрученный и возмущенный этим грабежом, столь неверным политически, сказал мне: „Разве можно так поступать, когда мир уже у нас в кармане!“» Дюма видел Москву горящую: «Шум пожара был подобен реву волн; это действительно была буря в море огня. <...> Этот огромный город представлял собой теперь лишь огненную рекламу: небо и весь горизонт были словно охвачены пламенем...» Он живописует ужасы бегства французов с «проклятой земли», которой стала для них Россия. Ему повезло все же пережить страшное отступление, переправиться через Березину и достичь мест, куда война тогда еще не добралась. Матье Дюма — хороший рассказчик, грамотный, начитанный, по-военному точный, по-человечески эмоциональный. Из бытовых мелочей, мелких происшествий, замечаний, сделанных по ходу рассказа, складывается гораздо более живая картина ушедшей эпохи, чем из научных исследований и официальных документов. Издание снабжено подробными примечаниями почти обо всех упоминаемых автором людях и о некоторых событиях.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства за предоставленные книги